

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.47

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-444-457

Социальная консолидация городских сообществ: переосмысление идеи в условиях российского фронта

Бабинцев В.П., Быхтин О.В., Юркова О.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

babintsev@bsu.edu.ru

Аннотация. В условиях специальной военной операции на Украине идея консолидации городских сообществ становится исключительно востребованной в публичном пространстве. В связи с недостаточной изученностью данного вопроса целью исследования является социальная диагностика проблем консолидации в экстремальной ситуации регионов-фронтиров в условиях специальной военной операции на Украине. Эмпирическую основу составили результаты социологического исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», проведенного в 2022 (до начала СВО; Курская, Белгородская, Воронежская области) и 2023 (Белгород, Шебекино) годах. Полученные данные демонстрируют тенденции к изменению отношения городских жителей к консолидации в условиях современного российского фронта: консолидация все чаще рассматривается как один из способов обеспечения безопасности, а консолидирующие практики складываются как ответ на вызовы СВО. Сделан вывод о том, что в определении ценностных оснований консолидации проявляются новые акценты. В частности, приоритетными становятся ценности, адекватные реалиям социального кризиса и сопряженные с противостоянием агрессивной среде.

Ключевые слова: приграничный регион, фронт, солидарность, социальная консолидация, ценности, идентичность, доверие, справедливость, ответственность, регион-фронт

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>.

Для цитирования: Бабинцев В.П., Быхтин О.В., Юркова О.Н. 2023. Социальная консолидация городских сообществ: переосмысление идеи в условиях российского фронта. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(3): 444–457. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-444-457

Social Consolidation of Urban Communities: Rethinking the Idea in the Conditions of the Russian Frontier

Valentin P. Babintsev, Oleg V. Bykhtin, Olga N. Yurkova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

babintsev@bsu.edu.ru

Abstract: On the materials of the Belgorod region, the features of the perception of the idea of social consolidation of urban communities in the border regions of the Russian Federation with Ukraine are considered. It is emphasized that in the conditions of a special military operation in Ukraine, the idea

of consolidation becomes extremely popular in the public space. The purpose of this study is the social diagnostics of the problems of social consolidation in the extreme situation of the frontier regions in the context of a special military operation in Ukraine. The empirical basis of the article was the results of the sociological study “Social Consolidation of Urban Communities: Opportunities and Limitations in the Conditions of Digitalization of the Urbanized Environment”, implemented in 2022 using the methods of a mass questionnaire survey of urban residents (Kursk, Belgorod, Voronezh regions, N=1518, quota sample); expert survey (50 experts); focus group interviews, as well as the results of focus group interviews with urban residents of the Belgorod region in 2023. On the basis of the obtained data, the tendencies of changes in the attitude towards the consolidation of urban residents in the conditions of the modern Russian frontier are revealed. It is noted that under the influence of a special military operation, ideas about the content of consolidation are changing, which is increasingly seen as one of the ways to ensure security, and consolidating practices are formed as a response to the challenges of a special military operation. It is substantiated that new accents are manifested in the definition of the value bases of consolidation. The values that are adequate to the realities of the social crisis and emphasize the ability to resist an aggressive environment begin to play a predominant role in the value system.

Keywords: border region, frontier, solidarity, social consolidation, values, identity, trust, justice, responsibility, frontier-region

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>.

For citation: Babintsev V.P., Bykhtin O.V., Yurkova O.N. 2023. Social Consolidation of Urban Communities: Rethinking the Idea in the Conditions of the Russian Frontier. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 444–457 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-444-457

Введение

Приграничная с Украиной Белгородская область второй год живет в режиме «военного фронта», реалии которого буквально подталкивают ее жителей к пересмотру и переоценке многих, казалось бы, устойчивых представлений о социальной реальности. Ощущение нарастания новых угроз, многие из которых носят экзистенциальный характер, меняет как поведенческие стереотипы, так и мировоззрение людей, что довольно уверенно отмечают специалисты. Так, в ходе экспертного опроса, проведенного специалистами научно-исследовательской лаборатории проблем развития гражданского общества Белгородского государственного национального исследовательского университета в рамках мониторинга изменений социума приграничного региона в условиях специальной военной операции (август 2023) из 37 его участников 29 (78,4 %) согласились с утверждением, что проведение специальной военной операции (СВО) изменило мировоззрение большей части белгородцев. Содержание этих изменений и их последствия для региона еще предстоит осмыслить, но уже сегодня ясно: они заставили многих жителей изменить свои взгляды на общественные процессы.

В настоящей статье мы проанализируем, как отразилось влияние СВО на отношении городских жителей области к проблеме социальной консолидации. Выбранный ракурс анализа определяются двумя обстоятельствами.

Во-первых, особым статусом солидарности как цели консолидации для развития общества. Можно согласиться с утверждением ряда исследователей, что солидарность выступает как один из метасоциальных институтов, обеспечивающих воспроизводство социума [Ковригина, 2020]. При этом под метасоциальными институтами понимаются некие сверхинституты или организации, которые организуют другие институты и системы организаций [Миллер, Рубцова, 2017]. Не случайно проблемам солидарности и консолидации уделяли и уделяют огромное внимание отечественные и зарубежные авторы [Аносов, 2021; Вольтер, 2021; Кармадонов, Зверев, 2012; Капто, 2015; Кузнецов, 2003;

Павлов, 2013; Alexander, 2019; Carson, 2007; Cureton, 2012; Kapeller, Wolkenstein, 2013; Kolers, 2016; Koudenburg et al., 2013; Morrow, 2020; Oliner, 2010; Putnam, Garret, 2020].

Во-вторых, наличием опыта консолидации регионального сообщества, накопленного в регионе в ходе реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы» в Белгородской области¹, который позволил определить и апробировать некоторые практики консолидации, прежде всего на микроуровне (уровне поселений). И хотя реализация Стратегии была завершена Постановлением Правительства Белгородской области от 06.06.2022 № 340-пп² (заметим – без анализа достигнутых и не достигнутых результатов, без публичного обсуждения), «караван» сообществ разного уровня самоорганизации продолжает двигаться по консолидационному маршруту, прежде всего потому, что консолидация отражает фундаментальную потребность человека в групповой жизни и коллективообразовании.

По мнению французского антрополога П. Буайе, «люди настолько склонны к созданию групп, что, похоже, даже самые незначительные поводы могут привести к возникновению коллективной солидарности и межгрупповым конфликтам» [Буайе, 2019, с. 54]. Консолидационная интенция, как полагают некоторые исследователи, имеет при этом вполне рациональные основания. Согласно исследованиям Р. Бойда и П. Ричерсона, человеческие сообщества, которым были присущи практики культурного конформизма и сотрудничества, обладали наибольшими шансами в конкурентной борьбе [Boyd, Richerson, 1985]. В свою очередь М. Ридли заключает: «Мы – групповой вид, но не вид, подлежащий групповому отбору. Мы созданы не для того, чтобы жертвовать собой ради клана, а для того, чтобы использовать его в своих интересах» [Ридли, 2014, с. 216].

Объекты и методы исследования

Выводы, сформулированные в настоящей статье, опираются на результаты авторского социологического исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», реализованного в 2022 году методами массового анкетного опроса городских жителей (Курская, Белгородская, Воронежская области, N = 1 518, выборка квотная); экспертного опроса (50 экспертов); фокус-группового интервьюирования (6 групп, общее количество участников – 57 человек) представителей молодежи, работников бюджетной сферы, органов муниципального управления, пенсионеров, предпринимателей (самозанятых), безработных (частично занятых). В 2023 году в связи с высокой динамикой общественной ситуации исследование было пролонгировано в форме фокус-группового интервьюирования (6 групп, общее количество участников – 36 человек) представителей молодежи, работников бюджетной сферы, органов муниципального управления, пенсионеров, предпринимателей (самозанятых), военнослужащих в городах Белгород и Шебекино.

Результаты исследования и обсуждение

Полученные результаты позволяют рассматривать изменения представлений о консолидации под влиянием специальной военной операции на Украине (СВО) по трем позициям.

Изменение общего представления о содержании данного процесса. В научной литературе и среди практиков сложилось довольно устойчивое представление о том, что консолидация различных сообществ является следствием ценностного консенсуса.

¹ Постановление Правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 г. № 435-пп «Об утверждении Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/469027022> (дата обращения: 25.08.2023).

² Постановление Правительства Белгородской области от 06 июня 2022 г. № 340-пп «О признании утратившим силу постановления Правительства Белгородской области «Об утверждении стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011 - 2025 годы» от 24 ноября 2011 года № 435-пп». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202206080001> (дата обращения: 25.08.2023).

Так, например, А.С. Капто отмечает, что «основу социальной консолидации составляет устойчивая артикулированная совокупность понятийных и принятых людьми личных, общественных, государственных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов, которые содействуют каждому человеку в выстраивании взаимоотношений с другими людьми, группами и социальными институтами» [Капто, 2015, с. 256]. В.Н. Кузнецов, подчеркивая роль ценностного консенсуса в процессах консолидации, пишет: «Ценностный консенсус важный фактор функционирования и поддержания стабильности общества на основе согласия, базирующегося на сходстве взглядов или ориентаций относительно значимых ценностей, целей, норм, правил поведения, ролей, отношений власти и т. д. между субъектами социальных отношений» [Кузнецов, 2003, с. 37].

Но проведенное нами исследование показало: в настоящее время в условиях приграничного региона интегрирующим сообщества фактором становится обеспечение безопасности.

Следует обратить внимание, что еще 2–3 года назад ценность безопасности не входила даже в пятерку наиболее важных для консолидации и не определялась экспертами как «существенно значимая». Так, по результатам исследования «Габитус гражданской активности в системе социальных взаимоотношений», проведенного в 2020 году¹, безопасность как важную для общества ценность, стимулирующую гражданскую активность и самоорганизацию, определили только 11 % опрошенных экспертов.

Однако в течение последних двух-трех лет ощущение внешней угрозы и актуализация проблемы безопасности фактически превратилось в наиболее значимый триггер консолидационного процесса в городах. В частности, в ходе исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» (проведено в марте – апреле 2022 года до начала СВО) в качестве главной среди «консолидационных» ценностей эксперты указали безопасность (52 %).

В рассматриваемом контексте понятно, почему необходимость консолидации связали с задачей обеспечения безопасности абсолютное большинство участников фокус-групп. Довольно типичными являются следующие мнения:

Мужчина, 32 года (предприниматель): Проблема консолидации стала более актуальной. Все стали помогать не только своим мини группам/семьям, но и чужим людям в целом. Каждый пытается помочь. Люди поменяли позицию с «надо защищать свое» на «нужно помогать всем».

Женщина, 30 лет (учитель): При возникновении угроз всегда должны люди объединяться, это, на мой взгляд, условия сохранения и существования общества.

Женщина, 71 год (пенсионерка): В процессе довольно длительного хода СВО общество все больше осознает, что надо объединяться. Потому, что некоторые довольно искренне сразу прониклись чувством долга перед проблемой в стране, другие приходят к пониманию о необходимости соучастия и помощи в виду длительности СВО.

Тезис о том, что обеспечение безопасности в связи с началом военных действий оказалось преобладающим фактором, стимулирующим консолидацию не только в городах, но в регионе в целом, подтверждается также экспертным опросом в рамках мониторинга изменений в жизни белгородского сообщества в условиях специальной военной операции, проведенного коллективом НИЛ Развития гражданского общества

¹ В качестве основных методов сбора первичной социологической информации был использован комплекс опросных методов (массовый социологический опрос, проведенный по региональной репрезентативной выборке, экспертный опрос). Для получения объективированной информации количественного характера проведен формализованный анкетный опрос по региональной репрезентативной выборке, учитывающей половозрастную и поселенческую структуру населения региона (N = 1000 респондентов). Для получения углубленного знания о природе и содержании габитуса гражданской активности в системе социальных взаимоотношений проведен экспертный опрос (N = 30 респондентов).

в августе 2023 года. Так, по мнению экспертов, отношение к СВО детерминировано: 80 % – перспективами обеспечения безопасности себя и своей семьи, 40,5 % – чувством патриотизма, 37,8 % – солидарности с участниками СВО, 32,4 % – информацией из социальных сетей, блогов, 27 % – страхом перед «большой войной».

Однако результаты фокус-группового интервью не просто выявляют сильную связь между востребованностью безопасности и установкой на интеграцию, но и наличие представления о том, что использование потенциала солидарности для минимизации военных опасностей и угроз возможно лишь при условии взаимопонимания власти и общества. Напротив, его отсутствие, особенно в ходе специальной военной операции, становится барьером для повышения социальной активности и тем самым деконсолидирует общество:

Женщина, 38 лет (предприниматель): Тема [консолидации] актуальная, но тут важна не только консолидация городских сообществ, а консолидация власти и населения. Пока что власть от нас отдельно, особенно московская.

Женщина, 47 лет (предприниматель): Важна консолидация власти и общества. Пока власть этого не хочет, как мы видим, не заинтересована.

Если прежде идея солидарности часто воспринималась довольно отстраненно, как некая обязательная декларация, сформулированная частью элиты, то СВО переводит ее на уровень повседневных задач. А потому городское население категорически не принимает попытки имитировать консолидационных практик в кризисных условиях. Как заявила одна из участниц фокус-групп, *то, что навязано «сверху» зачастую воспринимается с отторжением. А когда у людей это от души идет, по зову сердца, тогда абсолютно другая история (женщина, 30 лет, учитель).*

Таким образом, актуализация фактора безопасности, фактически, переводит тему консолидации общества из абстрактных рассуждений в предметную плоскость, из деклараций – в разряд повседневных проблем, многие из которых реализуются на микроуровне и связаны с СВО – гуманитарная помощь участникам, моральная поддержка, благотворительность.

Модификация консолидационных ценностей. В научной литературе нет единства в отношении определения ценностных оснований консолидации [Самсонова, Цыганкова Д.Н., 2020; Рогачев, 2022]. По нашему мнению, они воплощаются в четырех ценностных паттернах: идентичности, доверия, справедливости, ответственности. В условиях существующей реальности их содержание дополняется новым смыслом.

Изначальной предпосылкой консолидации для горожан является идентичность, заключающаяся в отождествлении себя с местным сообществом и демаркации от иных локалитетов. Если в спокойных (мирных) условиях акцент делается, как правило, на первом векторе, то в кризисных – на втором. При этом преобладающую роль начинают играть ценности, адекватные реалиям социального кризиса и акцентирующие способности противостоять агрессивной внешней среде: безопасность, патриотизм (рассматриваемый в его военном аспекте), героизм и т.п. Именно это имеет место в современной ситуации.

Участники фокус-групп чаще всего определяли свою идентичность в понятиях, близких этому ценностному набору. Данное обстоятельство выразилось, в частности, в определении, кто такой сегодня белгородец.

По мнению одной из участниц, *(женщина, 23 года, работник сферы культуры): это сильный духом человек, живущий в прифронтовой полосе.*

Мужчина, 22 года (военнослужащий) поясняет: Данное понятие, по моему мнению, означает не только, что человек проживает в городе Белгороде, но и то, что этот человек находится в прифронтовой зоне и то, что он должен быть готов в любой момент стать на защиту Родины!

Женщина, 65 лет (пенсионер): [белгородец] Житель, который находится в буферной зоне проведения СВО, человек в бесконечной опасности.

В контексте подобных деклараций можно утверждать, что в городских сообществах происходит изменение идентификационного основания консолидации, выражающееся в дополнении, условно говоря, «земляческого» вектора идентификации, который воплощается в эмоционально насыщенном утверждении «я – белгородец, потому что здесь живу и здесь жили мои предки», постепенно вытесняется «демаркационным», в основе которого лежит утверждение: «я – белгородец, потому что способен противостоять тем, кто нам угрожает».

Идентичность как ценностный паттерн связана с доверием. Проблема доверия всегда являлась одной из ключевых в отношении развития консолидационных процессов [Реутов, Колпина, 2010], сохраняя свое символическое значение и сегодня.

Согласно исследованию, важность «доверия» между людьми в период проведения специальной военной операции отметило большинство участников фокус-группового интервью.

Мужчина, 52 года (муниципальный служащий): Только на пути взаимопонимания, взаимного уважения и доверия люди способны глубже осознать единство своих коренных интересов и найти общий путь преодоления накопившихся трудностей. И как показывают реалии кризисного периода, наше общество все отчетливее осознает необходимость консолидации на основе повышения доверия на всех уровнях взаимоотношений. Рост этого осознания стимулирует поиск новых резервов повышения взаимопонимания и доверия в обществе.

Мужчина, 38 лет (врач): В условиях СВО, конечно, доверие актуально, ведь так будет больше желающих помогать фронту: люди будут знать, что их не обманут, что помощь дойдет адресату. В конце концов, доверие нужно и для бдительности. Как? Ну вот, например, дружный двор – кто-то видит подозрительных людей, сообщает об этом в общий чат, не беспокоясь о нападках со стороны окружающих. Ведь доверие – это в том числе возможность высказывать свои опасения.

Мужчина, 20 лет (военнослужащий): Я считаю, что в условиях СВО доверие является основной категорией во взаимоотношениях людей.

Однако в условиях СВО доверие и связанные с ним периферийные ценности приобретают новые статусы и смыслы. Во-первых, возникают новые основания для недоверия к власти, фундамируемые ее реальными или мнимыми просчетами в организации поддержки, безопасности, гуманитарной помощи и т. д., воспринимаемыми особенно остро.

Мужчина, 40 лет (предприниматель): Спорный вопрос [является ли доверие востребованной категорией во взаимоотношениях людей]. Конечно, хотелось бы, чтобы люди доверяли друг другу, но пока это невозможно. Люди на два лагеря разделились. Вы же читаете новости? Буквально недавно в поезде повздорили насчет политики, и один особо эмоциональный взялся за нож и чуть не зарезал своих попутчиков. А есть те, кто сдает позиции наших военных за деньги. Так что сначала нужно что-то власти сделать, чтобы в обществе не было такого беспредела. Но к власти, наверное, доверия все меньше и меньше. А должно быть – наоборот, особенно в условиях СВО.

Женщина, 25 лет (юрист): Не доверяю никому, кроме своего круга общения. Все больше доносов стало, поэтому достаточно опасно высказывать свою точку зрения. Поэтому основная причина повышенного недоверия сейчас, это преследование со стороны властей всех, кто этой власти не угоден.

Женщина, 47 лет (предприниматель): Чем больше наживаются разные личности на подобной ситуации, тем меньше будет доверия.

Во-вторых, радиус доверия не просто остается коротким, что было типично для современной России [Реутов, Колпина, 2010], но все более сокращается до уровня семейно-родственного и соседского окружения.

Мужчина, 19 лет (студент): Сегодняшняя ситуация [проведение СВО] уж точно не позволяет верить каждому. Но я бы все-таки сказал, что доверяю только людям из своего близкого окружения, либо людям, которых знаю и уважаю.

Женщина, 30 лет (муниципальный служащий): Если это близкие, то, конечно, доверяю, а постороннему человеку – есть такое выражение: «доверяй, но проверяй».

Мужчина, 23 года (военнослужащий): В условиях СВО доверять необходимо своим родным, близким и хорошим друзьям.

Справедливость. Категория справедливости по довольно точному определению Е.В. Карчагина «в своем предельном основании есть аксиологическая универсалия, универсальная социокультурная ценность» [Карчагин, 2015, с. 28]. Эта ценность крайне важна для жителей России. Нужно отметить, что, апелляция к социальной справедливости все чаще присутствует в ответах граждан на вопросы о необходимых принципах и ценностях общественной жизни.

Исследование «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» показало наличие зависимости между убежденностью горожан в справедливости организации жизни в городском сообществе на отношении к идее консолидации: 77,5 % респондентов, считающих жизнь в городе справедливой (коэффициент корреляции фиксирует высокую силу связи – $r = 0,784$), делают заключение о необходимости консолидации российского общества (вариант ответа «да» и «скорее да, чем нет»); среди тех, кто заявляет об ощущении несправедливости, таких 68,9 % (слабая связь – $r = 0,395$).

Специальная военная операция «высветила» новые аспекты проблемы справедливости/несправедливости, во многих отношениях обострив эту проблему. СВО «вывела из тени» замалчиваемые в мирное время проблемы, сформулировав новые задачи, связанные с определением воздаяния за действия, выходящие за пределы обычного, качественно изменив статусы наград и наказаний.

Неудовлетворительное решение этих задач парализует социальную активность, порождая пессимизм и апатию. В ходе интервьюирования многие его участники обращали внимание деструктивные для общества последствия нарушений сложившегося в их сознании концепта справедливости, усматривая их преимущественно как в непоследовательности решений и действий власти, так и позиции отдельных социальных групп.

Мужчина, 38 лет (врач): Я тоже склоняюсь к несправедливости [о справедливой организации жизни в городе]. Если уж мы затрагиваем тему СВО, то тогда, пример: бабушка несет помощь солдатам, все что было у нее, по своим возможностям. Но никто из наших миллионеров не предлагал помощи. Основные причины несправедливости в том, что очень много говорится, но почти ничего не делается.

Женщина, 84 года (пенсионер): [жизнь в городе] вообще несправедлива. Потому что бандиты кругом. Такую страну разрушили. Вот после развала Союза, что стало лучше? Где все заводы? Люди работали на благо Родины. Вот, даже в Шебекино, какие предприятия были. А сейчас – ничего нет, пустота.

В условиях СВО справедливость превращается в важнейшее основание консолидации городского сообщества. Из довольно абстрактной категории она (справедливость) трансформируется в феномен публичной жизни горожан, чему немало способствует именно военная ситуация, затрагивающая фундаментальные основания их жизни и при этом расширяющая доступ к информации о девиациях, которые затрагивают интересы каждого и всех.

Одним из ценностных оснований консолидации городских сообществ является социальная ответственность, предполагающая готовность выполнять принятые на себя

обязательства. Анализ результатов фокус-группового интервьюирования показал, что в условиях военных действий значение ответственности возрастает. Однако исследование выявило существенную дифференциацию ответственности в зависимости от возраста и профессионального статуса. В основном повышенную ответственность демонстрируют муниципальные служащие, аргументируя данный факт особенностью своего рода деятельности:

Мужчина, 42 года (муниципальный служащий): Ощущаю за собой такую ответственность перед людьми, что выражается в работе с населением, представлении им государственных и муниципальных услуг в полном объеме, несмотря ни на что.

Такой же аргумент приводили и военнослужащие, находящиеся в непосредственной близости проведения СВО:

Мужчина, 32 года (военнослужащий): Да [наличие ощущения повышенной ответственности]. От моих действий зависит безопасность жителей.

Пенсионеры, участвующие в волонтерских движениях, также акцентировали внимание на повышении чувства ответственности в связи с проведением специальной военной операции.

Женщина, 74 года (пенсионер): Очень ощущаю [ответственность]. Душа болит от этих обстрелов, что гибнут молодые ребята. А хочется им помочь, хоть чем могу.

Однако, признавая необходимость ответственного отношения к общим проблемам, основная масса участников подтвердила готовность нести ответственность за свою семью, близких, но не за общество или регион. Главным аргументом в данном случае выступает ссылка на невозможность (неспособность) что-либо реально изменить:

Мужчина, 48 лет (преподаватель): Я не могу никак повлиять или изменить сложившуюся ситуацию в городе.

Мужчина, 20 лет (военнослужащий): Я не ощущаю повышенную ответственность за то, что происходит в городе, так как не от меня это все зависит. Я могу внести определённый вклад на благо общества, но полностью все изменить не смогу, поэтому нет данного чувства.

Женщина, 41 год (предприниматель): Скорее да [наличествует ли ощущение повышенной ответственности]. Но не знаю, как бы могла помочь этому.

Для того, чтобы продвигать идею социальной консолидации у субъектов регулирования консолидационных процессов должны быть сформированы знания и навыки опыта объединения в ходе общих дел. Казалось бы, такой опыт нарабатывается. Участники фокус-группового интервьюирования приводили самые разнообразные их примеры: работа в ГОС, субботники, волонтерство. Некоторые упомянули противостояние горожан и управляющих компаний или власти. В связи с СВО список практик пополнился участием в ДНД.

Женщина, 25 лет (юрист): Я стараюсь улучшить то, что меня окружает: с удовольствием занимаюсь волонтерством, отстаиваю свои права, по мере возможностей изучаю законодательство и помогаю другим отстаивать свои права. Мною руководит желание изменений. Хочу изменить свою страну в лучшую сторону и начинать нужно с малого.

Женщина, 19 лет (студент): Да [участие в решении общих проблем]. Участвовала в петиции по сохранению троллейбусного парка. Еще волонтерство. Когда к нам в общежития привезли пострадавших жителей города Шебекино, я сразу откликнулась.

Мужчина, 38 лет (врач): Примеры [практик, направленных на решение общих проблем]: ГОСы, поисковые отряды «Лиза Арлет». Вспомнил, еще вот по поводу реконструкции Щорса собирались люди – но, судя по всему, особо не помогло, считать

ли это такой практикой или нет – не знаю. А участие принимал и принимаю в помощи военнослужащим, сборы необходимого.

Женщина, 47 лет (предприниматель): Я б еще в список практик для нашего региона записала «добровольцев армии» и ДНД. О своем участии, как уже говорила, – волонтерство. Здесь играет роль только внутренняя мотивация, чувство сопричастности, возможно, кому-то моя помощь подарила веру в людей. Знаете, до слез было принимать благодарность от ребят.

Важно отметить, что в условиях СВО консолидационные практики воспринимаются как гражданский долг, своего рода вклад в общее дело, которое часть сограждан отстаивает с оружием в руках,

Мужчина, 38 лет (врач): Основная мотивация [участвовать в волонтерстве] – это желание помочь ребятам... Могу сказать, что они очень благодарны неравнодушным людям.

Заключение

Специальная военная операция на Украине не могла не оказать влияния на многие аспекты общественной жизни, в частности, изменились диспозиции в отношении консолидации. Они не связаны с принципиальным пересмотром взглядов, но вносят в них некоторые новые акценты, в ряде случаев дополняющие установки сознания, сформировавшиеся еще до начала СВО, корректируя и усиливая их. В то же время ряд позиций, преобладавших в отношении консолидации до начала операции, практически не изменился.

Под влиянием специальной военной операции новые акценты проявляются в ценностных основаниях консолидации. В частности, происходит изменение идентификационного компонента, выражающегося в дополнении вектора идентификации, «земляческий» вектор, выраженный формулой «я – белгородец, потому что здесь живу и здесь жили мои предки», все чаще замещается «демаркационным», в основе которого лежит утверждение: «я – белгородец, потому что способен противостоять тем, кто нам угрожает». Традиционно высокий уровень институционального недоверия все чаще фундируется ссылками на просчеты социальных институтов и граждан в обеспечении СВО. Изменяются основания представлений о справедливости и несправедливости. Последняя все чаще аргументируется ссылками на негативные аспекты реализации СВО. Существенно актуализируется проблема ответственности, но отношение к ней дифференцировано; чаще всего ответственность за решение общих проблем ощущают пенсионеры и бюджетники, максимально зависящие от государства.

Исследование показало, что реализация горожанами консолидационных практик в условиях СВО происходит преимущественно на микроуровне. При этом консолидация все чаще рассматривается как реализация гражданского долга.

Список литературы

- Аносов С.М. 2021. Эффективность консолидации: социальная политика государства. *Социология*, 2: 5–20.
- Бабинцев В.П., Хрипкова Д.В., Хрипков К.А., Ельникова Г.А. 2023. Ценностные основания консолидации городского сообщества в приграничных регионах России. *Социально-гуманитарные знания*, 6: 97–101.
- Бодрийяр Ж. 2020. Символический обмен и смерть. Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., Добросвет: 389 с.
- Буайе П. Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. Пер. с англ. М., Альпина нон-фикшн, 436 с.

- Вавилина Н.Д. 2019. Солидаризация как социальное явление и социальный процесс: региональный контекст. *Регион: Экономика и Социология*, 3(103): 164–194. [DOI 10.15372/REG20190307](https://doi.org/10.15372/REG20190307) EDN JBIPBV.
- Волков Ю.Г. 2012. Креативный класс Versus имитационных практик. *Гуманитарий Юга России*, 1: 43–58.
- Вольтер В.О. 2021. Национальная идеология как фактор консолидации российского общества в условиях формирования нового миропорядка. *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*, 3: 67–72.
- Дьякова В.В. 2021. Солидарность в контексте анализа региональной идентичности (по результатам социологического исследования). *Теория и практика общественного развития*, 12: 30–34. [DOI 10.24158/tpor.2021.12.3](https://doi.org/10.24158/tpor.2021.12.3) EDN TLYVAJ.
- Дюркгейм Э. 1996. О разделении общественного труда. Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон: 430 с.
- Закирова Т.В. 2021. Фальшивая жизнь современного общества и её связь с социальной имитацией. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, 1: 107–112. [DOI 10.25198/2077-7175-2021-1-107](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-1-107) EDN ZHCGZL.
- Захарова О.В. 2016. Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015). *Вестник Института социологии*, 2(17): 29–45. [DOI 10.19181/vis.2016.17.2.395](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.395) EDN WXBVJHR
- Капто А.С. 2015. Объединяющие ценности социальной консолидации. *Социально-гуманитарные знания*, 3: 256–265.
- Карчагин Е.В. 2015. Справедливость как социокультурный феномен. *Вестник Волгоградского университета*, 4: 28–37.
- Ковригина Г.Д. 2020. Социальная солидарность как метаинститут. Дис. ... д-ра филос. наук. Иркутск, 304 с.
- Кораблева Г.Б. 2009. Социальные институты и социальные организации: особенности взаимодействия. *Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки*, 4(70): 111–118.
- Кузнецов В.Н. 2003. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект. *Безопасность Евразии*, 3(13): 7–47.
- Левашов В.К. 2018. От Москвы до самых до окраин: резервы консолидации. *Социологические исследования*, 11: 166–170. [DOI 10.31857/S013216250002799-1](https://doi.org/10.31857/S013216250002799-1) EDN YPHVTF.
- Московичи С. 1998. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии: КПС+: 556 с.
- Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М., Фонд экономической книги «Начала»: 180 с.
- Павлов Д.Ю. 2013. Социально-политическая консолидация современного российского общества: теория, опыт, проблемы: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: 26 с.
- Пазина О.Е. 2007. Социальная ответственность личности в современном обществе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород: 34 с.
- Реутов Е.В., Колпина Л.В. 2010. Социальное доверие в региональном сообществе. *Среднерусский вестник общественных наук*, 3: 40–48.
- Ридли М. 2014. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству. Пер. с англ. А. Чечиной. М., Эксмо; Династия: 332 с.
- Рогачев С.В., Ильичева М.В., Иванов А.В. 2022. Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 1: 129–140. [DOI 10.24412/2071-6141-2022-1-129-140](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-1-129-140) EDN NOCHSG.
- Рубцова М.В. 2017. Социология управления в структуре социологического знания. *Credo New*, 4(92): 5.
- Самсонова Т.Н., Цыганкова Д.Н. 2020. Основные проблемы и направления достижения консолидации российского общества. *Теория и практика общественного развития*, 11(153): 24–31. [DOI 10.24158/tpor.2020.11.3](https://doi.org/10.24158/tpor.2020.11.3) EDN SVMRAF.
- Тихонова Н.Е. 2010. Средний класс как гарант стабильности и основа для консолидации российского общества. В кн.: Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М., Новый хронограф: 38–61 с.

- Хабермас Ю. 2000. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем.; под ред. Д.В. Складнева. СПб., Наука, 377 с.
- Хабермас Ю. 2016. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества: с предисловием к переизданию 1990 года. Пер. с нем. В.В. Иванова. М., Весь Мир, 342 с.
- Хабибуллина З.Н. 2022. Имитация как социокультурный атрибут современного общества. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, 5-1: 143–149. [DOI 10.34670/AR.2022.64.43.017](https://doi.org/10.34670/AR.2022.64.43.017) EDN JLSSNR.
- Харитонов Е.М., Пусько В.С., Верещагина А.В., Курбатов В.И., Попов А.В. 2019. Социальная консолидация в обществе потребления: социальные ресурсы и механизмы управления в условиях российских реалий. *Гуманитарий Юга России*, 4: 221–233. [DOI 10.23683/2227-8656.2019.4.23](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.23) EDN GFMHGZ.
- Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. 2022. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации). *Журнал политических исследований*, 3: 9–19. [DOI 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19) EDN EGEABU.
- Черкашин М.Д. 2019. Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества. *Коммуникология: электронный научный журнал*, 3: 74–82.
- Alexander J.C. 2019. Frontlash/Backlash: The Crisis of Solidarity and the Threat to Civil Institutions. *Contemporary Sociology*, 48(1): 5–11.
- Bourdieu P. 1986. The forms of capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J.G. Richardson. N.Y. Greenwood Press: 241.
- Boyd R., Richerson P.J. 1985. *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago: University of Chicago Press, 340 p.
- Carson K.A. 2007. *Studies in Mutualist Political Economy*. BookSurge Publishing: 386 p.
- Cureton A. 2012. Solidarity and Social Moral Rules. *Ethical Theory & Moral Practice*, 15: 1–16.
- Kapeller J., Wolkenstein F. 2013. The grounds of solidarity: From liberty to loyalty. *European Journal of Social Theory*, 16: 476–491.
- Kolers A.H. 2016. *A Moral Theory of Solidarity*. Oxford, Oxford University Press: 194 p.
- Koudenburg N., Postmes T., Gordijn E.H. 2013. Conversational Flow Promotes Solidarity. *PLoS ONE*, 8. [DOI: 10.1371/journal.pone.0078363](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078363).
- Morrow J.A. 2020. Alone Together: Finding Solidarity in a Time of Social Distance. *Space and Culture*, 23: 315–319.
- Oliner S.P. 2010. The Need for Altruism and Social Solidarity as an Antidote to a Divided World. *Newsletter of the Altruism, Morality & Social Solidarity Section of the American Sociological Association*, 2.
- Putnam R.D., Garrett Sh.R. 2020. *The Upswing: How America came together a century ago and how we can do it again*. New York: Simon & Schuster: 480 p.
- Schütz A. 1962. *The Problem of Social Reality*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers: 357 p.

References

- Anosov S.M. 2021. Effektivnost' konsolidatsii: sotsial'naya politika gosudarstva [Efficiency of Consolidation: Social Policy of the State]. *Sotsiologiya*, 2: 5–20.
- Babintsev V.P., Khripkova D.V., Khripkov K.A., El'nikova G.A. 2023. Tsennostnye osnovaniya konsolidatsii gorodskogo soobshchestva v prigranichnykh regionakh Rossii [Value Foundations for the Consolidation of the Urban Community in the Border Regions of Russia]. *Sotsial'nogumanitarnye znaniya*, 6: 97–101.
- Bodriyyar Zh. 2020. Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death]. М., Publ. Dobrosvet, 389 p.
- Buaye P. Anatomiya chelovecheskikh soobshchestv. Kak soznanie opredelyaet nashe bytie [Anatomy of human communities. How Consciousness Determines Our Being]. М., Publ. Al'pina non-fikshn, 436 p.
- Vavilina N.D. 2019. Solidarizatsiya kak sotsial'noe yavlenie i sotsial'nyy protsess: regional'nyy kontekst [Solidarization as a social phenomenon and social process: a regional context]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, 3(103): 164–194. [DOI 10.15372/REG20190307](https://doi.org/10.15372/REG20190307) EDN JBIPBE.

- Volkov Yu.G. 2012. Kreativnyy klass Versus imitatsionnykh praktik [Creative class Versus simulation practices]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 1: 43–58.
- Vol'ter V.O. 2021. Natsional'naya ideologiya kak faktor konsolidatsii rossiyskogo obshchestva v usloviyakh formirovaniya novogo miroponyadka [National Ideology as a Factor of Consolidation of Russian Society in the Conditions of Formation of a New World Order]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3: 67–72.
- D'yakova V.V. 2021. Solidarnost' v kontekste analiza regional'noy identichnosti (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Solidarity in the context of the analysis of regional identity (according to the results of a sociological study)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 12: 30–34. [DOI 10.24158/tipor.2021.12.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2021.12.3) EDN TLYVAJ.
- Dyurkgeym E. 1996. O razdelenii obshchestvennogo truda [On the division of social labor]. M., Publ. Kanon, 430 p.
- Zakirova T.V. 2021. Fal'shivaya zhizn' sovremennogo obshchestva i ee svyaz' s sotsial'noy imitatsiey [The false life of modern society and its connection with social imitation]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 1: 107–112. [DOI 10.25198/2077-7175-2021-1-107](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-1-107) EDN ZHCGZL.
- Zakharova O.V. 2016. Strategii reprezentatsii kategorii «konsolidatsiya» v kon'yunktivnom diskurse rossiyskogo prezidenta (2000–2015) [Representation Strategies for the “Consolidation” Category in the Conjunctive Discourse of the Russian President (2000–2015)]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 2(17): 29–45. [DOI 10.19181/vis.2016.17.2.395](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.395) EDN WXBHR.
- Kapto A.S. 2015. Ob"edinyayushchie tsennosti sotsial'noy konsolidatsii [Unifying values of social consolidation]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 3: 256–265.
- Karchagin E.V. 2015. Spravedlivost' kak sotsiokul'turnyy fenomen [Justice as a sociocultural phenomenon]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta*, 4: 28–37.
- Kovrigina G.D. 2020. Sotsial'naya solidarnost' kak metainstitut [Social solidarity as a meta-institution]: Dis. ... Doctor of Philosophical Sciences. Irkutsk, 304 p.
- Korableva G.B. 2009. Sotsial'nye instituty i sotsial'nye organizatsii: osobennosti vzaimodeystviya [Social institutions and social organizations: features of interaction]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennyye nauki*, 4(70): 111–118.
- Kuznetsov V.N. 2003. O sotsiologicheskoy smysle ideologii konsolidatsii: geokul'turnyy aspekt [On the Sociological Meaning of the Ideology of Consolidation: Geocultural Aspect]. *Bezopasnost' Evrazii*, 3(13): 7–47.
- Levashov V.K. 2018. Ot Moskvy do samykh do okrain: rezervy konsolidatsii [From Moscow to the Outskirts: Consolidation Reserves]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 11: 166–170. [DOI 10.31857/S013216250002799-1](https://doi.org/10.31857/S013216250002799-1) EDN YPHVTF.
- Moskovichi S. 1998. Mashina, tvoryashchaya bogov [Machine that creates gods]. M., Publ. Tsentr psikhologii i psikhoterapii: KPS+, 556 p.
- Nort D. 1997. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional change and the functioning of the economy]. M., Publ. Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 180 p.
- Pavlov D.Yu. 2013. Sotsial'no-politicheskaya konsolidatsiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva: teoriya, opyt, problem [Socio-Political Consolidation of Modern Russian Society: Theory, Experience, Problems]: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 26 p.
- Pazina O.E. 2007. Sotsial'naya otvetstvennost' lichnosti v sovremennom obshchestve [Social responsibility of the individual in modern society]: abstract of the dis. ... Candidate of Political Sciences. Nizhniy Novgorod, 34 p.
- Reutov E.V., Kolpina L.V. 2010. Sotsial'noe doverie v regional'nom soobshchestve [Social trust in the regional community]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 3: 40–48.
- Ridli M. 2014. Proiskhozhdenie al'truizma i dobrodeteli: ot instinktov k sotrudnichestvu [The Origin of Altruism and Virtue: From Instincts to Cooperation]. M., Publ. Eksmo; Dinastiya, 332 p.
- Rogachev S.V., Il'icheva M.V., Ivanov A.V. 2022. Sotsial'noe doverie i protsess konsolidatsii obshchestva: novye vozmozhnosti i riski [Social trust and the process of consolidation of society: new opportunities and risks]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 1: 129–140. [DOI 10.24412/2071-6141-2022-1-129-140](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-1-129-140) EDN NOCHSG.
- Rubtsova M.V. 2017. Sotsiologiya upravleniya v strukture sotsiologicheskogo znaniya [Sociology of management in the structure of sociological knowledge]. *Credo New*, 4(92): 5.

- Samsonova T.N., Tsygankova D.N. 2020. Osnovnye problemy i napravleniya dostizheniya konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [The main problems and directions for achieving the consolidation of Russian society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 11(153): 24–31. DOI: [10.24158/tipor.2020.11.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2020.11.3) EDN SVMRAF.
- Tikhonova N.E. 2010. Sredniy klass kak garant stabil'nosti i osnova dlya konsolidatsii rossiyskogo obshchestva. [The middle class as a guarantor of stability and the basis for the consolidation of Russian society]. In: *Sotsial'nye faktory konsolidatsii rossiyskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie* [Social Factors of the Consolidation of Russian Society: Sociological Dimension]. M., Publ. Novyy khronograf: 38–61 p.
- Khabermas Yu. 2000. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie [Moral consciousness and communicative action]. SPb., Publ. Nauka, 377 p.
- Khabermas Yu. 2016. Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery: issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva: s predisloviem k pereizdaniyu 1990 goda [Structural Change in the Public Sphere: Studies Concerning the Category of Bourgeois Society: With a Preface to the 1990 Reprint]. M., Publ. Ves' Mir: 342 p.
- Khabibullina Z.N. 2022. Imitatsiya kak sotsiokul'turnyy atribut sovremennogo obshchestva [Imitation as a socio-cultural attribute of modern society]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 5-1: 143–149. DOI [10.34670/AR.2022.64.43.017](https://doi.org/10.34670/AR.2022.64.43.017) EDN JLSSNR.
- Kharitonov E.M., Pus'ko V.S., Vereshchagina A.V., Kurbatov V.I., Popov A.V. 2019. Sotsial'naya konsolidatsiya v obshchestve potrebleniya: sotsial'nye resursy i mekhanizmy upravleniya v usloviyakh rossiyskikh realiy [Social Consolidation in the Consumer Society: Social Resources and Management Mechanisms in the Conditions of Russian Realities]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 4: 221–233. DOI [10.23683/2227-8656.2019.4.23](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.23) EDN GFMHGZ.
- Kharichev A.D., Shutov A.Yu., Polosin A.V., Sokolova E.N. 2022. Vospriyatie bazovykh tsennostey, faktorov i struktur sotsial'no-istoricheskogo razvitiya Rossii (po materialam issledovaniy i aprobatsii) [Perception of Basic Values, Factors and Structures of Russia's Socio-Historical Development (Based on Research and Approbation Materials)]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, 3: 9–19. DOI [10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19) EDN EGEABU.
- Cherkashin M.D. 2019. Doverie naseleniya k organam vlasti kak faktor sotsial'noy konsolidatsii obshchestva [Population's trust in authorities as a factor in the social consolidation of society]. *Kommunikologiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 3: 74–82.
- Alexander J.C. 2019. Frontlash/Backlash: The Crisis of Solidarity and the Threat to Civil Institutions. *Contemporary Sociology*, 48(1): 5–11.
- Bourdieu P. 1986. The forms of capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J.G. Richardson. N.Y. Greenwood Press: 241.
- Boyd R., Richerson P.J. 1985. *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago: University of Chicago Press, 340 p.
- Carson K.A. 2007. *Studies in Mutualist Political Economy*. BookSurge Publishing: 386 p.
- Cureton A. 2012. Solidarity and Social Moral Rules. *Ethical Theory & Moral Practice*, 15: 1–16.
- Kapeller J., Wolkenstein F. 2013. The grounds of solidarity: From liberty to loyalty. *European Journal of Social Theory*, 16: 476–491.
- Kolers A.H. 2016. *A Moral Theory of Solidarity*. Oxford, Oxford University Press: 194 p.
- Koudenburg N., Postmes T., Gordijn E.H. 2013. Conversational Flow Promotes Solidarity. *PLoS ONE*, 8. DOI: [10.1371/journal.pone.0078363](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078363).
- Morrow J.A. 2020. Alone Together: Finding Solidarity in a Time of Social Distance. *Space and Culture*, 23: 315–319.
- Oliner S.P. 2010. The Need for Altruism and Social Solidarity as an Antidote to a Divided World. Newsletter of the Altruism, Morality & Social Solidarity Section of the American Sociological Association, 2.
- Putnam R.D., Garrett Sh.R. 2020. *The Upswing: How America came together a century ago and how we can do it again*. New York: Simon & Schuster: 480 p.
- Schütz A. 1962. *The Problem of Social Reality*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers: 357 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 04.06.2023
Поступила после рецензирования 07.07.2023
Принята к публикации 15.07.2023

Received June 04, 2023
Revised July 07, 2023
Accepted July 15, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабинцев Валентин Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Быхтин Олег Викторович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Юркова Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentin P. Babintsev, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Oleg V. Bykhtin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Olga N. Yurkova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.